

...стоящий поэт и гражданин, он жил не только настоящим. Маяковский страстно мечтал о будущем. И к этому будущему приближал свое трудное для пера время каждым часом собственной жизни, ценой великого напряжения сил. Поэтому он современен сегодня, будет современен завтра, и в применении к нему не находится места сожалению о том, что поэт не сейчас среди нас — он среди нас есть. И дело не только в книгах и памятниках, в площадях, улицах, станциях метро, библиотеках, театрах его имени: дело в том, что Маяковский живет в нас самих.

В разные периоды жизни у каждого человека есть свой Маяковский — агитатор и трибун революции или полемист на баррикадах нового искусства, беспощадный сатирик или нежный и возвышенный лирик. Но все это вместе — один для миллионов великий поэт великой эпохи. Многоликий — и единственно неповторимый. Многосложный — и доступный всей планете. Многолетний — и всегда молодой, как его мускулистый стих.

Хороший и разный Маяковский.

В эти дни по всей нашей стране и далеко за ее пределами вновь и вновь звучат строки поэта, публикуются статьи о его жизни и творчестве, произносятся доклады и речи. Но для мастера, которого всегда смущал «поклонный установленный статут», не увлекало «бронзы многопудье» и не устраивал «хрестоматийный глянec» при оценке поэзии, главной сутью повседневного бытия служило живое человеческое общение, разговор «во весь голос» и с теми, кто есть, и с теми, которые будут. «Давайте разговаривать!» — так всегда обращался он к слушателям, закончив читать стихи или делая перерыв в выступлении.

«Давайте разговаривать!» — откликаются на призыв поэта читатели «Комсомольской правды» сегодня, в день его юбилея. Этот диалог — перед вами. Вопросы «к Маяковскому» взяты из писем в редакцию, журналистских блокнотов, из записок, полученных на посвященных ему поэтических вечерах. Их авторы — сегодняшние молодые люди. А отвечает нашим современникам, «как живой с живыми говоря», сам Владимир Маяковский — своими стихами, отрывками из выступлений, статей, писем. Эти ответы во многом злободневны, однако не следует думать, что наследие поэта — цитаты на все случаи жизни. Его поэзия — постоянно зовущее к жизни слово, поэтому она современна во все времена.

Итак, слушайте товарищей потомков, Владимир Владимирович.

Слушайте обращенный к нам голос поэта, комсомольцы восьмидесятых.

«КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ...»

«Это мой труд...»

«С 1926 по 1929 год В. В. Маяковский был штатным сотрудником «Комсомольской правды». Чем знаменателен для него и для газеты этот период?

А. ВЛАСЮН, военнослужащий, г. Киев.

«В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому, кроме супруги, не интересно».

«Еще в восемнадцатом году т. Ленин указывал... на необходимость выработки для статей краткого «телеграфного языка».

Ни былин, ни эпосов, ни эпоей,

Телеграммой лети, строфа!

Воспаленной губой припади и попей

из реки по имени «Факт».

«Ты говоришь, что у тебя

более возвышенный стиль?

Тогда напиши образковую

переводку, обращенную к народам

мира, — разве может быть более возвышенная

задача? Только тогда мы поверим,

что твои упражнения в области поэзии имеют

действительный смысл, что твоя

возвышенная работа может быть

использована для улучшения жизни людей».

«Обработанный и вошедший в комедию материал — это

громода обывательских фактов, шедших в мои руки и голову со всех сторон, во все

время газетной и публицистической работы, особенно по «Комсомольской правде».

«Чистые» литераторы орут —

газета снижает стиль, газета повседневностью оттягивает

от углубленных тем... Ерунда! Да, мы требуем литературу,

основанную на факте. Мелочность темы — это мелкота

собранных фактов».

«Разница газетчика и писателя — это не целевая

разница, а только разница словесной обработки».

«Газета не только не располагает писателя к халтуре, а, наоборот, искореняет его

неяркость и приучает его к ответственности».

«Чистое поэтическое толсто-журнальное произведение

имеет только один критерий — «нравиться». Работа в газете вводит поэта в

другие критерии — «правильно», «своевременно», «важно», «общее», «проверенное» и т. д., и т. д.»

«...Лозунг поэта, — это не

простое вхождение в газету. Сегодня быть поетом-газетчиком — значит подчинить всю

свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным за

дачам строящегося коммунизма».

Знаю, лирик скривится горько,

критик ринется хлыстиком выстегать:

— А где ж душа? Да это ж — риторика!

Поэзия где ж? Одна публицистика!!

...Я буду писать и про то, и про это,

но нынче не время любовных ляс.

Я всю свою звонкую силу поэта

тебе отдаю, атакующий класс.

«Основная позиция: против

выдумки, эстетизации и психологизма искусством — за

агит, за квалифицированную публицистику и хронику. Основная

работа в «Комсомольской правде», и сверхурочно работаю «Хорошо».

«...Необходимо все силы,

работающие в нашей прессе, устремить на избрание

способа, при котором ударность наших идей не ослаб-

лялась бы гуманностью и запутанностью формы».

«Права «Комсомольская правда», когда она... хочет в

ближайшее время развернуть борьбу против омешивания,

загнания бывших пролетарских поэтов, которые

сегодня становятся трубадурами, а иногда и трубадурами

современного мешанства».

«Мой упор — на комсомольскую

массу».

«Юноше, обдумывающему житье...»

«Если бы мне посчастливилось

встретиться с Маяковским, я бы у него спросил: —

Владимир Владимирович, считаете ли вы себя поэтом

для молодежи? В. ЧЕРНУШИН, инженер, г. Киров».

«Мне кажется, что стихи

поэта для молодых нередко излишне назидательны. Чем он сам это объясняет?

Л. ТУРИЧ, культработник, г. Иркутск».

«Мои одноклассники по-разному относятся к Маяковскому: кто любит, а кто

нет. Объясните последний, что они заблуждаются».

С. ФРОЛОВА, ученица 8-го класса, г. Краснодар».

«Я очень рад, что комсомольская аудитория, к которой

я обращаюсь все время с начала революции... меня

поддерживает».

«...В эпоху обострения классовой борьбы... когда требуется

самое ясное понимание классовых задач комсомолом на всех фронтах... мы не

можем отступать назад и не быть водителями современной

фаляги общественности...»

«Я разговаривал с трамваем, девятнадцатилетним парнишкой... Он говорит: вот у

наших комсомольцев часто

скука бывает... Я хочу в своей

драме-пьесе определить, как

сходит с человека скука и как она

драматически разрешается. И такая

замечательная проблема исходит из

жизни нашего рабочего комсомольского

молодняка. Она показалась мне... существенной и важной...»

Мы духом одно, понимаем сами: по линии сердца нет раздела.

Если вы не за нас, а мы не с вами,

то черта ль нам остается делать?

«По вопросу о Маяковском — вопрос

распутывается таким образом, что этот человек

читает в комсомольской аудитории и она расценивает его как

своего писателя».

«...Только рабочая аудитория, только

пролетарско-крестьянские массы, те, что сейчас

строят новую жизнь нашу, те, что строят

социализм и хочет распространить его на

весь мир, только они должны стать

действительными чтецами, и поэтом этих людей

должен быть я».

«Очень трудно вести работу, которую

хочу вести я. Работу сближения рабочей

аудитории с большой поэзией, с поэзией,

сделанной по-настоящему, без халтуры и без

сознательного принижения ее значения».

Для вас, которые здоровы и ловны,

поэт вылизывал чачоткины плевики

шершавым языком плаката.

«Заграничная «мода»

проникает уродливыми потоками в

советский быт и кое-где успевает

подмочить крепкие устои идеологии нашей

молодежи. С этим нужно бороться

решительно и беспощадно. Если мы

объявляем классовую войну мировой

буржуазии, если ее миру мы

противопоставляем свой, то эту враждебность

нужно сохранять до конца, во всем, сверху

донижу...»

«Или, когда улягутся вздыбленные

революцией стихии, вы будете в праздники с

печочками на жилетах выходить на

площади перед вашими районными

советами и чинно играть в крокет?»

Ребята, сомкните плечо с плечом.

Никогда пусть никто не ленится

Исполнять заветы, данные Ильичем.

Ведь недаром теперь мы — ленинцы...

«Я меряю по коммуне стихов сорта...»

«Маяковский — новатор

стиха, это верно. Но речь в основном

идет о форме. В чем

заключена в целом сущность его

новаторства? Н. ПОЛЯКОВ, строитель, Коми АССР».

«Сейчас много пишут о влиянии

поэта на современную поэзию. Если это так, то

где же тогда наш новый Маяковский?

Г. ЛЮБЧЕНКО, студентка, г. Воронеж».

«Хочется почитать Маяковского-полемиста.

С. САДЫРОВ, агроном, Казахстан».

«Мы утверждаем, что литература

не зеркало, отражающее историческую

борьбу, а оружие этой борьбы».

«Настоящая поэзия всегда, хоть на

час, а должна опередить жизнь».

«Стихотворение должно иметь в себе

полный политический заряд».

«... Мы будем бороться против

литературных группировок, заменяющих

обработку фактов разнообразной жизни

рассказыванием литературных

сплетен. Эта борьба будет вестись не

во имя «свободных художников», не во

имя анархистской богемы, а для еще

большой дисциплины художественного

труда — во имя выполнения работы

всех предприятий Союза, нуждающихся в

слове, в краске, в эстрадном

выступлении».

«Было много противоречивых

определений поэзии. Мы выдвигаем

единственное правильное и новое, это —

«поэзия — путь к социализму».

Я меряю по коммуне стихов сорта,

в коммуны душу потому влюблена,

что коммуна, по-моему, огромная

высота, по-моему, глубочайшая

глубина.

«Литература СССР — только

участок на огромном фронте

борьбы мира за освобождение; наши

слова закатываются за кордоны — и

там это не шаблонные агитки, а

чудо свободного слова, организующего

или еще более спланированного для

грядущей борьбы».

«К сделанному литературному

произведению относиться как к

оружию... Сдача этого оружия в

белую прессу усиливает арсенал

врагов.

В сегодняшние дни густеющих

туч это равно фронтовой измене.

Надо бросить беспредметное

литературничанье».

«Мы требуем от каждого

произведения, чтобы оно работало,

воздействовало, а не производило бы

впечатление... Мы требуем современности

примеров, вложенных в произведение. Мы

будем

кать в каждой строке «что?»

Но определяющим на сегодняшний

день является — «для чего» написана эта

строка?».

«Сейчас все пишут и очень недурно. Ты

скажи, сделал ли ты из своих

стихов или пытался сделать оружие

класса, оружие революции?»

И мне агитпроп в зубах навяз,

и мне бы строчить романы на вас —

доходней оно и прелестней.

Но я себя смирял, становясь

на горло собственной песне.

«Я больше всего люблю поэтов, которые

пишут для того, чтобы жить, и все свои

действия, все свои силы и возможности я,

конечно, буду направлять на улучшение

своих стихов о нашей жизни и не буду

жить для того, чтобы попеть песенки и

уйти».

«Только в связывании его (писателя. —

Ред.) с хозяйственной организацией нашей

страны, будь то завод, будь то редакция,

которая ежедневно с полной ответственностью

обрабатывает мозги миллионов, только в

такой связи может развиваться и может

родиться новый, настоящий советский

писатель».

Но сила поэта не только в этом,

что, вас вспоминая, в грядущем

икнут.

Нет! И сегодня рифма поэта —

ласка, и лозунг, и штык, и

икнут.

«Единственный метод, который

обязан усвоить каждый писатель, — это

метод исторического материализма... Мы

пришли не для того, чтобы фотографировать

мир, но для того, чтобы литературным

орудием бороться за будущее. За

перестройку мира. В этой борьбе мы

используем все приемы. Все средства хороши,

если помогают строительству социализма».

Дрянь пока что мало поредела.

Дела много — только поспевать.

Надо жизнь сначала переделать,

переделав — можно воспевать!

Слушайте, товарищи потомки,

агитатора, горлана-главаря.

Заглуша поэзии потоки,

я шагну через лирические томики,

как живой с живыми говоря.

Разговор «записал» Евгений НЕФЕДОВ.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Александр Жаров:

Две встречи

— Здравствуйте, Владимир Владимирович! — сказал я дрогнувшим от неожиданности

голосом.

— Здравствуйте и до свидания, — ответил он. — Приглашаю

вас выступить в следующее воскресенье на

платном литературном утреннике в

пользу голодающих Поволжья. Безымянского я уже

пригласил, вы оба объявлены в афише... — В афише? — спросил я. —

А где выступить?

— В Большом зале Консерватории. Билеты по

повышенной цене продаются, чтоб с

изнанных побольше денег собрать... — Дорогой Владимир